

II.

Бесѣда о почитаніи св. иконъ.

Дорогіе братья во Христѣ!

Сего дня я желалъ бы побесѣдовать съ вами о поклоненіи св. иконамъ. Я знаю, какъ дороги вѣрующему сердцу эти святыни, эти лики Господа, Его Пречистой Матери и св. Угодниковъ. Сколько слезъ умиленія и духовнаго восторга видѣли они! Сколько горя пережито человѣкомъ у ихъ подножія!

Войдите вы въ христіанскій домъ и взоръ вашъ невольно обратится въ св. уголь, откуда льется на васъ мерцающій свѣтъ лампы, какъ бы манящій, зовущій васъ туда—въ высь небесную, къ источнику Свѣта вѣчнаго, Добра и Правды. И въ этомъ свѣтѣ лампы какъ живой встаетъ передъ вами св. ликъ. Все внѣшнее, грубое, вещественное: краски, дерево,—все богатство украшеній исчезаетъ. Лишь дивное, дышащее любовью лицо смотреть на васъ и привлекаетъ васъ къ себѣ. Какое блаженство испытываете вы тогда подъ этимъ взоромъ! Какъ облегчить онъ вамъ ваше сердце и утишить волнующіяся страсти!

Но къ сожалѣнію многимъ и многимъ незнакомо, чуждо это чувство. А что сказать о сектантахъ, этихъ отступникахъ *отъ единства выры* (Іо. XVІІ, 21), которые *внимаютъ духамъ обольстителямъ и ученіямъ блсовскимъ* (I Тим. IV, 1). Не *черезъ нихъ ли путь истины*, это святое чувство, *въ поношеніи* (2 Петр. II, 2). Развѣ не извѣстно намъ, какую ненависть питаютъ они къ этимъ святынямъ Церкви Христовой, къ св. иконамъ? И не порицаютъ ли они насъ за поклоненіе имъ? Въ своемъ ослѣпленіи сектанты рѣшаются даже называть наши св. иконы идолами, а насъ, вѣрныхъ сыновъ Церкви Христовой—идолопоклонниками,

Чтобы кто не усумнился въ моихъ словахъ, приведу выписку изъ сектантскаго журнала „Баптистъ“.

Баптистъ-сектантъ ведетъ рѣчь съ православнымъ о св. изображеніяхъ. Онъ совѣтуетъ ему прочитатъ псаломъ 113 съ 11 ст. по 17-й, гдѣ написано:

Богъ нашъ на небесахъ,—творитъ все, что хочетъ. А ихъ идолы—серебро и золото, дѣло рукъ человеческихъ. Есть у нихъ уста, но не говорятъ; есть у нихъ глаза, но не видятъ; есть у нихъ уши, но не слышатъ; есть у нихъ ноздри, но не обоняютъ; есть у нихъ руки, но не осязаютъ; есть у нихъ ноги, но не ходятъ, и не издаютъ голоса гортаннаго своего. Подобны имъ да будутъ дѣлающіе ихъ и все надвѣющіеся на нихъ.

„Это мѣсто непримѣнимо къ русскимъ“—возразилъ православный.

«Почему нѣтъ? спросилъ Даніиль (баптистъ). Извините за возраженіе, но развѣ вамъ не бросилось въ глаза?

Да гдѣ же?—воскликнулъ собесѣдникъ.

„Развѣ на наперномъ и друиыхъ крестахъ вы не замѣтили вылитыхъ изображеній распятаго Христа“? (Баптистъ. 1909 г. № 13 стр. 12–13).

Мысль сектанта ясна. Вѣдь, литсе изображеніе на крестахъ Господа и Спасителя міра сектантъ въ крайнемъ ослѣпленіи угодилъ идолу. И думаю, вамъ самимъ нерѣдко приходилось слышать отъ сектантовъ это сравненіе нашихъ иконъ съ безгласными истуканами. Желая показать себя правыми, мудретвуя лукаво, они приводятъ намъ Исх. XX, 4, 5, Дѣян. XVII, 29; Ис. 46, 6, 7; 14, 9, 10; Втор. 7, 15; Іезек. 8, 8–12; Іер. 2, 27, 28; 4 Цар. 17, 33, 41; Исаи 2, 18; Посл. Іереміи, Рим. I, 21–25 и пр. Т. е. тѣ мѣста слова Божія, гдѣ идетъ рѣчь о идолахъ,—гдѣ объявляется гнѣвъ почитающимъ ихъ.

Итакъ по мнѣнію сектантовъ наши св. иконы идолы! И какъ ни тяжела намъ эта мысль, на ней необходимо остановиться, чтобы уяснить себѣ ся ложь.

Что же такое икона? и что такое идолъ?

Если не говорить пока о ихъ сравнительномъ достоинствѣ, о ихъ значеніи для вѣрующаго, то какъ икону, такъ и идолъ можно уподобить картинѣ, статуѣ. Это съ внѣшней, видимой стороны. Здѣсь идолъ дѣйствительно приближается къ иконѣ. Но что мы сказали бы о человѣкѣ, который, увидѣвъ прекрасную картину, сталъ бы удивляться тонкости полотна, прочности дерева, сталъ бы говорить намъ о составѣ красокъ и пр. Не сочли бы мы такого человѣка по меньшей мѣрѣ смѣшнымъ, невѣждой. Почему же? Да, очевидно, картина помимо своего матеріала имѣетъ иную цѣну. Кромѣ матеріальнаго устройства, кромѣ красокъ и полотна въ ней заключается иное, что можетъ быть скрыто отъ взора невѣжды.

Вотъ предъ нами изображеніе. Всмотритесь внимательно въ него, и затѣмъ закройте глаза. И вотъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ снова предстанетъ оно. Но странное дѣло: теперь краски какъ бы поблѣднѣли, полотно исчезло; а передъ нами какъ живой, какъ бы изъ какого тумана, встаетъ тотъ образъ, который мы только что видѣли на картинѣ. И каждый изъ васъ согласится, что въ картинѣ этотъ-то образъ и составляетъ главную цѣну. Для зрителя не важно, какой матеріалъ употребилъ художникъ: золото-ли, серебро-ли или простое дерево и полотно. Ему нуженъ самый образъ,—то, что хотѣлъ изобразить художникъ. Это мы замѣчаемъ и въ нашемъ почитаніи св. иконъ. Конечно, мы видимъ въ нихъ и матеріалъ: краски и полотно. Но остановимъ ли мы свое вниманіе на этихъ вещахъ? Не поднимаемъ ли мы взора къ чудному лику, который смотритъ на насъ какъ живой. Онъ проникаетъ въ нашу душу, въ сердце и завладѣваетъ ею. Мы ужъ и не глядимъ на икону, но образъ ея въ нашей душѣ. И онъ-то, этотъ душевный образъ, такъ привлекаетъ насъ, вызываетъ въ насъ благоговѣніе и согрѣваетъ наше сердце любовью. А золото, серебро и дерево! Но имъ мы здѣсь не даемъ цѣны.

Иное дѣло въ почитаніи идиоловъ. Тамъ ослѣпленный,

грѣховный человѣкъ боготворить и дерево, и золото, и камень, предполагая, что эти бездушныя вещи также живы, какъ живъ человѣкъ и даже могущественнѣе его. Идолопоклонникъ, язычникъ *говоритъ дереву: ты мой отецъ, — и камню: ты родилъ меня* (Пер. II, 27),

Даже такой мудрый и просвѣщенный царь, какъ Навуходоносоръ вавилонскій, — и тотъ полагалъ, что идолъ Вилъ, сдѣланный изъ камня, былъ живое существо.

Не думаешь ли ты, говорилъ онъ Даниилу: что Вилъ не живой Богъ? не видишь ли, сколько онъ пьетъ и пьетъ каждый день. (Дан. XIV, 6).

Какое ослѣпленіе! И какое различіе мы видимъ здѣсь между этимъ язычникомъ и вѣрующимъ сыномъ Церкви. И этотъ послѣдній чтить изображеніе, но въ немъ не видитъ онъ жизни, не принимаетъ за Бога живаго; а дорожить тѣмъ душевнымъ образомъ, который пробуждаетъ въ немъ св. изображеніе. Что прекрасно выражено въ догматическомъ опредѣленіи VІІ Вселенскаго собора. „*Честь, воздаваемая образу, переходитъ къ первообразному, и поклоняющійся иконѣ, поклоняется существу изображеннаго на ней*“, — опредѣлили св. отцы.

Итакъ, въ иконѣ мы чтимъ не дерево и золото и не думаемъ видѣть въ нихъ божественную жизнь. Въсѣтъ съ апостоломъ мы свидѣтельствуемъ, *что Божество не подобно золоту или серебру, или камню, получившему образъ* (т. е. обработанному) *отъ искусства и вымысла человеческого.* (Дѣян. XVII, 21). Въ иконѣ мы чтимъ воплощенный въ ней „образъ Господа“.

Но быть можетъ онъ-то, этотъ „образъ Господа“ и смущаетъ сектантскую совѣсть?!

Да! Я слышу ихъ негодующіе голоса: вы, православные, уподобляетесь язычникамъ. Не о васъ ли, говорятъ они, пишетъ ап. Павелъ, говоря, что *вы, познавши Бога не прославили Его какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное ваше (ихъ) сердце: называя себя мудрыми обезумѣли, и*

славу нетлѣннаго Бога измѣнили во образъ, подобный тлѣнному человеку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся. (Рим. I, 21—23).

Съ этими словами обратился апостоль къ язычникамъ. Ихъ то онъ и обличаетъ за то, что они, имѣя передъ собою мѣръ въ его прекрасномъ устройствѣ, должны были въ немъ, какъ въ раскрытой книгѣ, читать о словѣ и величїи Бога. Но вмѣсто того они осуетились и образъ Божїй затемнился въ нихъ, въ ихъ душѣ. И вотъ эти слова апостола, сказанныя имъ о язычникахъ, сектанты относятъ къ намъ, православнымъ, имѣя въ виду наши св. изображенїя. Очевидно, опять они не видятъ никакого различїя между чудовищными языческими изображенїями, идолами и нашими св. иконами. Но теперь уже рѣчь не о матеріалѣ изображенїй, а о тѣхъ образахъ, которые создаются художниками христіанскими и языческими изъ какого-либо матеріала.

Богъ есть духъ (Іо. IV, 24), и *Его никто не видѣлъ никогда* (—, I, 18) и *видѣть не можетъ* (I Тим. VI, 10), говорятъ сектанты: какъ же вы, православные, изображаете Его. Не подобны ли вы язычникамъ, которые славу нетлѣннаго Бога измѣнили во образъ тлѣннаго человѣка...

Но что общаго у свѣта со тьмою? (2 кор. VI, 14) И можно ли уподобить свѣтлые лики св. иконъ „бездушнымъ истуканамъ“?

Въ первомъ своемъ посланїи къ Коринѣянамъ въ VIII гл. апостоль, говоря о идолахъ языческихъ, называетъ ихъ „ничто“, — т. е. какъ бы несуществующими. *Идолъ въ мѣръ ничто* (—, ст. 4), пишетъ онъ. И это сказано, конечно, не о матеріалѣ, изъ котораго сдѣланъ идолъ: ибо онъ былъ — на лицо и имѣлъ свою цѣну, — а сказано о томъ образѣ, который былъ созданъ художникомъ языческимъ въ идолѣ. Этотъ образъ апостоль почиталъ несуществующимъ, ложнымъ.

Поясимъ это подробно. Въ IV гл. книги Второзаконїя мы читаемъ слѣдующее. Богъ явился народу еврейскому

на горѣ Синаѣ и въ огнѣ и громѣ открылъ ему Свою волю,—но при этомъ объявилъ народу:

Твердо держите въ душахъ вашихъ, что вы не видѣли никакого образа въ тотъ день, когда говорилъ къ вамъ Господь на горѣ Хоривъ изъ среды огня, дабы вы не развратились и не сдѣлали себѣ изваяній, изображеній какого-либо кумира, представляющихъ мужчину или женщину и пр. (Втор. IV, 16).

Нельзя не видѣть, что въ этихъ словахъ заключается рѣшительное запрещеніе евреямъ изображать лице Божіе. Ветхозавѣтный человѣкъ не могъ имѣть изображеній Своего Господа. Но почему?

Какъ я говорилъ уже, въ каждомъ изображеніи главное—это тотъ образъ, который различаетъ въ немъ зритель. Безъ сомнѣнія этотъ же образъ долженъ быть въ умѣ, въ сердцѣ художника прежде, чѣмъ тотъ приступитъ къ работѣ. Художникъ долженъ знать, что онъ будетъ изображать. Но можно-ли это сказать о ветхозавѣтномъ художникѣ, который пожелалъ бы изобразить своего Господа? Могъ-ли онъ имѣть въ умѣ своемъ, въ сердцѣ образъ Бога, чтобы создать его изъ камня или дерева? Нѣтъ! Человѣкъ здѣсь былъ безсиленъ: въ его умѣ не было образа Господа (Втор. IV, 12). Богъ въ ветхомъ завѣтѣ, даже такимъ мужамъ, какъ Моисей не являлъ Себя въ образѣ (Ист. XXXIII, 20]. Вотъ почему евреи и не могли имѣть изваянныхъ изображеній Бога и всѣ попытки ихъ въ этомъ родѣ строго карались Господомъ, Который выдѣлилъ евреевъ изъ всѣхъ народовъ земли, чтобы сохранить въ нихъ истинную вѣру.

О язычникахъ же нельзя сего сказать. Они были въ своей жизни предоставлены собственнымъ своимъ духовнымъ силамъ. Они сами удовлетворяли свое стремленіе къ истинѣ и создавали свою вѣру (Рим. II, 14). Но они были подъ властью грѣха. Грѣхъ извратилъ всѣ способности человѣка. Человѣкъ болѣлъ душой. Братья! и въ нашей жизни мы часто наблюдаемъ больныхъ людей, больныхъ

умомъ, душой. Мы со скорбью видимъ, какъ они часто свои собственные измышленія, или сонныя видѣнія принимаютъ за дѣйствительность. Имъ кажется: то, что видѣли они во снѣ, происходило на яву.

То же было и съ язычниками. Въ ихъ душѣ жило стремленіе къ Богу; они хотѣли открыть Бога, познать Его, видѣть, наконецъ; но не зная Его, судили о Немъ по себѣ и по окружающему ихъ міру,—и создали въ своей душѣ чудовищныя, вымышленныя образы Его. Напр., египтяне представляли Его себѣ во образѣ кончика (Горуй), змѣя (Амунъ-кнеуѣ), крокодила (Ревска), то на половину человѣка, на половину рыбы (Дагонъ) и пр. *Поистиннѣ осуетились люди... называя себя мудрыми обезумѣли* (Рим. I, 21, 22). Свои собственные мечтанія признали за дѣйствительный образъ Бога, создавали его изъ камня и поклонялись ему. Тогда какъ это было ничто, ложь.

И только евреи охранялись Богомъ отъ подобнаго растлѣнія души. Имъ ясно было сказано: *не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ сверху, и что на землѣ внизу, и что въ водѣ ниже земли. Не поклоняйся имъ и не служи имъ.* (Исх. XX, 4, 5).

И, конечно, опять-таки по той причинѣ, что „образа Его не видѣли“.

Такимъ образомъ евреямъ было запрещено имѣть изображенія Господа, не всякія изображенія, а Господа только: ибо они были бы ложными, идольскими изображеніями. А истинныя изображенія, которыя соотвѣтствовали тому, что открыто было человѣку подзаконному, Богъ не только позволилъ имѣть, а даже вмѣнилъ въ обязанность. Такъ, Онъ повелѣлъ Моисею сдѣлать ковчегъ завѣта, литыя и тканныя изображенія херувимовъ и пр. (Исх. 25 и 28 гл.).

Оно и понятно. Ангелы являлись ветхозавѣтнымъ людямъ въ образѣ подобномъ человѣческому; и вѣрующій ветхозавѣтный человѣкъ, изображая ангела, зналъ, что онъ будетъ изображать. Его уму ясно представлялся образъ

ангела. И, изображая его, человекъ ничего не измышлялъ. Изображеніе было истинно.

И ковчегъ завѣта былъ истиннымъ изображеніемъ Бога,—не лица Его, а Его отношенія къ подзаконному человеку. Ковчегъ былъ пустой ящикъ, закрытый крышкою. Стоялъ онъ во святое святыхъ, скрытый завѣсой отъ взоровъ народа. Внутри его не могъ проникнуть человекъ и даже прикосновеніе къ нему каралось смертію. Такъ и Богъ былъ непостижимъ для ветхозавѣтнаго человека. Вотъ что являлъ собою ковчегъ завѣта. Онъ былъ истиннымъ изображеніемъ Господа, такъ что Моисей его образно называлъ самимъ Господомъ. Напр., когда поднимали ковчегъ въ путь, Моисей говорилъ: *возстань, Господи, и разсыплются враги Твои и побѣдутъ отъ лица* (т. е. передъ ковчегомъ) *Твоего ненавидящія Тебя* (Числ. X, 35—36).

Итакъ никогда Богъ не запрещалъ человеку св. изображеній. И вторая заповѣдь говоритъ только о идольскихъ ложныхъ изображеніяхъ; а евреямъ запрещаетъ еще и всякія изображенія Господа, образа Котораго не видѣли.

Но что сказать о новозавѣтномъ человекѣ? Также ли и онъ, какъ и еврей, не знаетъ образа своего Господа? Развѣ и ему говоритъ Богъ: „твердо помни, что образа Моего ты не видѣлъ? Не напротивъ ли свидѣтельствуешь намъ слово Божіе?!

Миссіонеръ, священникъ **Валентинъ Руденко.**

(Окончаніе будетъ).

большой промежутокъ времени. Не все, конечно, глубоко запечатлѣется и сохранится въ памяти; многое забудется и изгладится изъ нея; сѣрепкая будничная жизнь педагога въ захолустной провинціи съ ея житейскими невзгодами скоро расхолодитъ то обаяніе, въ какомъ пахотились недолгое время курсисты, но общее прекрасное впечатлѣніе отъ курсовъ вѣдрится въ нихъ навсегда. „Слова и иллюзіи гибнутъ; факты же остаются“...

Курсистъ А. Бутовскій.

II.

Бесѣда о почитаніи св. иконъ.

(Окончаніе).

Вотъ св. Апостоль Іоаннь пишетъ: *Въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и Слово было Богъ... И Слово (т. е. Богъ) стало плотию и обитало съ нами, полное благодати и истины, и мы видѣли славу Его, славу какъ Единороднаго отъ Отца (Іо. I, 1, 14). Бога не видѣлъ никто никогда. Единородный Сынъ, сущій въ нѣдрѣ Отчезъ, Онъ явилъ (Іо. I, 18). И этотъ Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, есть образъ Бога невидимаго (2 Кор. IV, 4).*

И не Христосъ ли говоритъ Филиппу: *Флиппъ! ты хочешь видѣть Бога Отца Моего? Но развѣ ты не знаешь Меня? Развѣ ты не знаешь, что видѣвшій Меня видѣлъ и Отца (Іо. XIV, 9).*

Вотъ видите, братья, мы теперь не можемъ сказать, что не знаемъ образа Бога, не видѣли Его. Онъ у насъ передъ глазами, въ сердцѣ, въ умѣ. Теперь, если этотъ сердечный, умственный образъ Христа (а вѣдь помнить Его мы должны) мы изобразимъ на деревѣ, то будетъ ли это наше измышленіе, ложь? Будетъ ли это наше изобра-

женіе и идоль? Если это такъ, если правы сектанты, то тогда ложенъ въ насъ, въ нашей душѣ и самый образъ Христа. Или вѣрнѣе: мы не можемъ, не должны имѣть его. Но почитайте Евангелія, посланія апостоловъ. Съ какою подробностью, съ какою настойчивостью эти св. ученики Господа желаютъ создать въ насъ, въ нашемъ умѣ и сердцѣ образъ дорогого Учителя! Какъ подробно говорятъ они намъ о Его рожденіи, крещеніи, жизни, страданіи, смерти и воскресеніи! Иной разъ малѣйшія подробности какого-либо событія въ жизни Его они передаютъ намъ. Зачѣмъ? Да чтобы „изобразился въ насъ Христосъ“ (Гал. IV, 19). Т. е. чтобы живѣе, яснѣе въ нашей душѣ родился образъ Христа.

А Самъ Спаситель какъ наглядно желалъ изобразить Себя въ Своемъ служеніи. И вотъ Онъ говоритъ намъ о Себѣ, какъ о Лозѣ (Іо. XV, 1—6),—то даетъ намъ образъ добраго Пастыря (Іо. X 11—16), Сѣятеля (Мѡ. XIII, 3—8) и пр. И это затѣмъ, чтобы сильнѣе запечатлѣть въ насъ образъ Свой.

Но быть можетъ сектанты согласятся, что имѣть умственный, душевный образъ Христа необходимо,—и ихъ соблазняетъ лишь то, что эти душевные образы мы воплощаемъ, создаемъ на деревѣ, золотѣ и т. п. Они не постигаютъ смысла сего. Тогда пусть вспомнятъ они слѣдующее.

Вотъ евреи, избавленные Богомъ отъ рабства Египту, въ пустынѣ. Они идутъ къ землѣ обѣтованной. Но несмотря на всю милость къ нимъ Бога, они не перестаютъ оскорблять Его. И, наконецъ, своимъ невѣріемъ вызываютъ къ себѣ гнѣвъ Господа. Ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ ядовитыя змѣи, и цѣлыя тысячи падаютъ жертвой ихъ ужаленія. И, если бы не Господь, то всѣ они погибли бы ужасной смертью. Но Онъ, какъ нѣкогда Адаму, такъ и нынѣ евреямъ даетъ надежду на спасеніе—и прежде всего на спасеніе отъ грѣха, какъ причины всѣхъ бѣдствій человѣка, а въ этой родившейся надеждѣ даетъ

имъ и силу преодолѣть и самое бѣдствіе. Мало того, Богъ указываетъ и самый образъ спасенія. Онъ открываетъ его Моисею. И Моисей провидитъ теперь, что спасеніе совершится, но для сего должно *быть вознесено Сыну Человѣческому* (Іо. III, 14). Вотъ образъ открытый Богомъ народу. Это былъ душевный образъ, рожденный, данный Богомъ въ душѣ, въ сердцѣ Моисея. И если бы, какъ думаютъ сектанты, одного душевнаго образа было достаточно въ дѣлѣ спасенія, то Моисею оставалось одно: идти къ народу, открыть имъ этотъ образъ, призвать къ покаянію. Но мы видимъ другое. Моисей, по повелѣнію Божию, создаетъ этотъ образъ въ веществѣ, дѣлаетъ его изображеніе.

И сдѣлалъ Моисей мѣднаго змѣя и выставилъ его на знамя, и когда змѣй ужалилъ чловека, онъ, взглянувъ на мѣднаго змѣя, оставался живъ. (Числ. XXI, 9).

Такъ явилось у евреевъ новое изображеніе, которое и почиталось за святыню. Но какъ самый душевный образъ, созданный въ мѣдномъ змѣѣ, такъ и само это изображеніе, было только *тѣнью будущихъ благовѣщаній* (Евр. X, 1). Ибо: *какъ Моисей вознесъ змѣя въ пустынь, такъ должно быть вознесено и Сыну Человѣческому*, говорилъ Христосъ. И вотъ это совершилось. Христосъ умеръ на крестѣ. И образъ Его, страдающаго на крестѣ, съ простертыми дланями, живетъ въ нашей душѣ. А если этотъ образъ мы изобразимъ на полотнѣ, то будетъ-ли это изображеніе идола, если имъ не былъ даже мѣдный змѣй? Или если Божественный Ликъ, взирающій на насъ съ такой любовью, мы изобразимъ на деревѣ,—то будетъ-ли и это идола,—если имъ не былъ ковчегъ завѣта? Вѣдь полотно, дерево, золото не измѣняетъ нашего умственнаго образа; оно только сохраняетъ его и снова пробуждаетъ его въ нашей душѣ. Какъ бумага хранить св. слова Господа (Библия),—такъ изображеніе хранить черты Его Лица. И св. икона есть та же книга для неграмотныхъ, говорящая имъ о ихъ Господѣ. Были народы, которые вмѣсто буквъ

писали картины и понимали другъ друга. Такъ для неграмотныхъ св. икона та же рѣчь, то же слово, пробуждающее въ нихъ вѣру и исторгающее слезы покаянія и умиленія. Особенно иконы страданій Христа.

Вѣдь взгляды на мѣднаго змѣя спасалъ умирающаго; а это былъ образъ тѣни (Евр. X, 1). Неужели же взгляды на изображеніе страдающаго Христа не можетъ спасти грѣшника, когда здѣсь мы видимъ дѣйствительный образъ, образъ истины? И не думающихъ ли иначе обличаетъ апостоль, когда говорить: *о, несмысленные Галаты! кто прельстилъ васъ не покоряйтесь истинѣ, васъ, у которыхъ предначертанъ былъ Иисусъ Христосъ какъ бы у васъ распятый* (Гал. III, 1).

Да! истинное св. изображеніе имѣетъ въ себѣ спасительную силу, — или вѣрнѣе, взирая на него съ любовью къ тому, кто изображенъ на немъ, человекъ привлекаетъ къ себѣ милость Господа. Всѣ же пренебрегающіе св. изображеніями, оскорбляющіе ихъ, навлекаютъ на себя гнѣвъ Божій, который, если и замедляетъ обнаружиться, то лишь по долготерпѣнію Господа.

Это явлено было еще и въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ въ I Цар. V гл. мы читаемъ.

Филистимляне взяли ковчегъ Божій... внесли его въ храмъ Дагона и поставили его подлѣ Дагона. И встали Азотяне рано на другой день, и вотъ Дагонъ лежитъ лицомъ своимъ къ землѣ передъ ковчегомъ Господнимъ. И взяли они Дагона и опять поставили его на свое мѣсто. И встали они поутру на слѣдующій день, и вотъ Дагонъ лежитъ ницъ на землѣ передъ ковчегомъ Господнимъ: голова Дагонова и (обѣ ноги его и) обѣ руки его (лежали) отсѣченныя, каждая особо, на порогъ осталось только туловище Дагона... и отяготѣла рука Господня надъ Азотянами, и Онъ порожалъ ихъ, и наказалъ ихъ мучительными наростами... и увидѣли это Азотяне и сказали: да не останется ковчегъ Бога Израилева у насъ: ибо тяжка рука Его и для насъ и для Дагона, бога нашего.

Такъ поражены были оскорбители святыни.

А вотъ примѣръ милости къ почитателямъ ея.

И оставался ковчегъ Господень въ домъ Аведдара Гевянина три мѣсяца; и благословилъ Господь Аведдара и весь домъ его (2 Цар. VI, 11).

А сколько примѣровъ этой милости, явленной черезъ св. изображенія даетъ намъ жизнь вѣрующихъ во Христа, сыновъ Церкви Православной. Сколько чудесныхъ исцѣленій совершилось у подножя св. иконъ. И если невѣрующіе отрицаютъ эти чудесныя явленія, то мы знаемъ, что и Христа невѣрующіе іудеи лишали Его Божественной силы, почитая ее за „силу бѣсовскую“.

Мы знаемъ, что даже тѣнь Ап. Петра, т. е. изображеніе его, отброшенное свѣтомъ на землю, и та являла силу. Тѣмъ болѣе подобное же изображеніе, созданное на деревѣ, напр., гдѣ образъ святого яснѣе запечатлѣвается, имѣетъ такую же силу. (Дѣян. V, 15).

И жизнь вѣрующихъ вполне подтверждаетъ это. Изъ множества примѣровъ проявленія чудодѣйственной силы людямъ послѣ молитвы ихъ передъ св. иконами укажемъ пока на одинъ, бывшій въ недавнее время; такъ что свидѣтели этого чуда живы и могутъ лично удостовѣрить его. Въ 1880 г. въ Полтавской губерніи у пятнадцатилѣтней дочери графа Капниста Маріи въ рукахъ и ногахъ потеряна была всякая чувствительность. Она могла съ трудомъ только ходить, а въ спинномъ мозгу чувствовалась сильная боль, увеличивающаяся отъ всякаго звука. Лучшіе доктора въ Россіи не могли оказать помощи; и отецъ обратился къ знаменитостямъ заграничнымъ. Извѣстный парижскій докторъ былъ вызванъ въ Москву. И когда больная приготовилась ѣхать къ этому доктору, то передъ отправленіемъ въ путь, она по совѣту матери обратилась съ горячею молитвою къ Пресв. Богородицѣ передъ ея иконою, особенно чтимую въ этой семьѣ,—и мгновенно получила исцѣленіе. Объ этомъ быстро узнали вокругъ живущіе. И вотъ многіе страдающіе различными недугами

потекли къ этому образу Божіей Матери, и получили здѣсь исцѣленіе. Дважды сюда пріѣзжала комиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и она должна была засвидѣтельствовать истинность этихъ исцѣленій.

Что же мы скажемъ теперь сектанту? Братъ, скажите ему: ты заблудился; ты внялъ духамъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ (I Тим. IV, 1). Ты, повѣривъ невѣждамъ и неутвержденнымъ, къ собственной своей гибели превратилъ слова св. Писанія (2 Петр. III, 16). Берегись же, не увлекайся заблужденіемъ беззаконниковъ и не отпадай отъ своего утвержденія. (—, 17), будь въ числѣ призванныхъ Иисусомъ Христомъ (Рим. I, 6) къ единству въ вѣрѣ (Іо. XVII, 21). Слышишь: тебѣ, вѣдь, говоритъ апостоль: умоляю... остерегайтесь производящихъ раздѣленія и соблазны, вопреки ученію, которому вы научились, и уклоняйтесь отъ нихъ. (Рим. XVI, 17). Аминь.

Примѣчаніе. Настоящая статья издана отдѣльной брошюрой авторомъ.

Миссіонеръ, священникъ Валентинъ Руденко.

III.

Праздники древонасажденія.

I.

Покойный С. А. Рачинскій—творецъ церковной школы—въ одной изъ замѣтокъ своихъ писалъ, что ему всегда доставляло большую отраду, когда, проѣздомъ по деревенской улицѣ, ему случалось замѣтить въ иномъ окнѣ скромный горшочекъ съ цвѣтами. Это указывало на нѣкоторую культурность хозяина дома. „У него, навѣрное, чистота въ домѣ; есть полочка съ книгами. Жаль только, что подобное чувство отрады приходится испытывать очень рѣдко“.